

Глава 2: Маяк

Поздно ночью издалека доносился звук грохочущих волн.

Город молчал, как будто он заснул. Все было тихо. Звезды и луна светили с неба.

В темноте, на береговой линии за пределами города, светил только маяк.

Маяк всегда стоял на побережье с момента основания города. Церковь построила его, используя древние технологии, это помогало направлять корабли, которые проходили мимо рифовой зоны.

На протяжении веков огонь всегда горел на вершине маяка.

Огонь горел благодаря силе эфира, испускав ослепительно резкий свет.

Сотни обрамленных зеркал, образовывали сложные конструкции, окутывая огонь.

Свет, проходящий угол преломления, создавал сложную траекторию, его яркость увеличивалась в десять раз, и он сиял во всех направлениях.

Эта самостоятельная структура была почти полупостоянной и не требовала какого-либо ручного управления, опытные механики, проводили ежемесячные проверки технического обслуживания системы, чтобы предотвратить возможные сбои.

Однако сегодня это был не священник в черном, а два подростка ... и пёс.

Единственные слова, которые можно использовать для описания грязного, золотистого пса - уродливый, уродливый и очень уродливый. Он лежал на земле с тех пор, как пришел сюда, ничем не интересовался, и уже заснул.

Когда москит приземлился ему на нос, он чихнул. Пока он чихал, его губы повернулись наружу, как будто ухмыляясь, он показал ряд неровных клыков.

Рядом с ним подросток со светлыми волосами прислонился к стене, он сосредоточенно рвал куриное мясо голыми руками. Цыпленок был жестоко разорван по частям, запихан в рот, затем тщательно пережеван.

Он ел медленно и серьезно, заставляя людей думать, что он не голоден и просто хочет потратить время на еду.

Он был красив, но, когда он смеялся, от его взгляда было такое впечатление, что он плохой человек. Те зеленые глаза, казалось, смотрели на людей, как зверь, ищущий лучшее место для укуса.

Рядом с ним бутылка с ликером была наполовину пустой. Он выпил все это сам.

«Ецзы, ты уже знаешь, не так ли?» Он прошептал: «Возможность учиться в Священном Городе получил третий сын семьи Томаса».

«Я знаю», - ответил безразличный голос из света.

«Он также сказал много плохих слов», - сказал Виктор.

«Я знаю»

Из ослепительного света появилась рука. На указательном пальце было кольцо из железных проводов, которое приковывало всеобщее внимание. Но его голос был безразличным, без эмоций.

«Виктор, дай мне восьмой ключ», - сказал голос.

«Ты слышишь меня?» - спросил Виктор. Он нахмурил глаза от света, его зрачки сузились: «Ты ждал так много лет, чтобы учиться в Священном Городе. Весь твой тяжелый труд привел тебя сюда. Неужели ты собираешься наблюдать, как эта возможность попадает в руки куска мусора, который только и знает, как заглядывать под юбки горничных?»

Собака проснулась. Она подняла глаза и залаяла, как будто презирала всё и больше не могла этого терпеть.

«Я сказал передай восьмой ключ», - настаивал голос.

Рука в решетке мягко пошатнулась, напомнив Виктору, чтобы не заставлял его долго ждать.

Виктор взял ключ из коробки с инструментами и положил в его руку. Он начал убирать руку, но Виктор схватил его за запястье, не давая ему уйти.

Рука остановилась в воздухе.

Виктор уставился на блики зеркальной рамы и конструкции, словно хотел посмотреть на лицо подростка. Он был слегка пьян, поэтому его глаза выглядели сердитыми.

«Ты слышал сегодня?» Виктор прошептал: «Он сказал, что ты был восточным ублюдком».

«Я слышал»

«Он сказал, что дети с улицы должны вернуться в бордели, чтобы найти своих матерей».

«Я слышал»

«Значит, ты хочешь притвориться, что ничего не случилось?» - спросил Виктор.

Рука Виктора сжимала ключ так сильно, что можно было увидеть его набухшие вены.

Он посмотрел на зеркальную конструкцию и увидел размытое отражения внутри, но изображение было неподвижно и молчаливо. Тишина - вот и все.

«Е Цинсюань, если бы кто-то оскорбил моих родителей, я клянусь, что в его комнату попал бы целый ад ядовитых змей, если кто-то оскорбит моего друга, произойдет то же самое». Виктор холодно продолжил: «Я знаю, что ты не хочешь неприятностей для священника, но иногда тебя будут считать слабым, если ты будешь отступать. Тебе будут оскорблять! Ты так много сделал для этого города, и что ты получил взамен?»

«Они вообще не заботятся о тебе!» - воскликнул Виктор. «В течение стольких лет они никогда не были благодарны за то, что ты сделал, и они принимают все как должное! Даже если ты продолжишь ремонтировать маяк еще десять лет, создашь десятки тысяч копий плакатов или

уменьшишь их притеснение насколько это возможно, ничто никогда не изменится».

«Я никогда не ждал, что кто-нибудь оценит меня».

«И никто тебя не оценит! Знаешь ли ты, почему? Потому что для них величайший дар на этой благородной земле – позволить такому неизвестному нищевроду жить здесь!»

«Достаточно, Виктор», - раздался голос молодого человека из конструкции. Свет был слишком сильным, чтобы увидеть его лицо.

«Нет, этого недостаточно! Помнишь, что сказал Томас?» - закричал Виктор. Глаза Виктора были острыми, как кинжалы. «Он сказал, что эта возможность - это то, что он заслужил! Эта возможность никогда не упадет на голову восточного ублюдка, потому что они достаточно украли у нас! В течение пяти лет, пока ты был здесь, ты был как колючка в его

заднице. Ты жалел его снова и снова, но как он относился к тебе в ответ? Ты действительно собираешься отпустить его?»

В конструкции было больше молчания.

Спустя долгое время конструкция раскрылась.

Подросток вышел из света.

Когда она закрылась, мерцающий свет рассеялся, показалась фигура молодого подростка.

На нем были толстые солнцезащитные очки - необходимый инструмент при работе в конструкции, иначе свет слепил глаза. Однако самой привлекательной особенностью были не его солнцезащитные очки, а его волосы.

Они были чистые белые, как текучая ртуть. Длинные белые волосы сияли в свете, и сливались с ним.

Белые волосы были уникальны для восточных людей. Это была его самая заметная особенность, но также и его величайший грех - это было доказательством того, что он был метисом. Все знали, что означают его белые волосы. Он был полукровным, это всегда считали аномалией как на Востоке, так и на Западе.

Эта личность была более раздражающей, чем попрошайки на улице.

С тех пор, как он пришел сюда, критика и нападение на него никогда не прекращались.

После того, как священник принял его и назначил его книжником в церковной библиотеке, Томас, который изначально научился копированию в церкви, смотрел на него еще более злобно.

Чтобы избавиться от него, Томас даже спрятал Святую Библию в его комнате и ложно обвинил его в краже книг.

Если бы Е Цинсюань не смог прочитать Святую Библию на месте, доказывая, что ему не нужно было ее красть, его давно бы выгнали из города, и он не смог бы больше найти прибежища.

«Виктор, не пытайся подтолкнуть меня к мести. Знаешь, это не прокатит». Е Цинсюань не был в ярости, и он не стал спорить. Он просто взял ключ и вернулся в конструкцию. Тогда звуки были единственными вещами, которые исходили изнутри.

Е продолжил: «Любой может сказать плохие слова, но словесная победа бесполезна для меня. Ну и что, если я выиграю спор? Томас заплатил за эту возможность, и она никогда не будет моей. Я бы предпочел сэкономить свои усилия»

Виктор фыркнул. «Сэкономить - это отремонтировать маяк в полночь и продолжать работать в городе?»

«По крайней мере, я могу заработать деньги. Если я не смогу, Отец должен сам делать это. Я не хочу добавлять ему больше работы. Он уже много сделал, когда сражался за место для меня».

«Он не хочет, чтобы ты уходил!» - холодно сказал Виктор. «Он хочет научить тебя быть священником, чтобы ты продолжил его работу, заставить тебя жить с этими холодными вещами всю жизнь! Ты умрешь в этом маленьком городке, и все, что у тебя будет - это металлический мусор».

«На самом деле, я не думаю, что есть что-то плохое в работе с машинами», - сказал Е Цинсюань из конструкции. «По крайней мере, они не будут лгать или смотреть на тебя сверху вниз. Иногда я люблю их больше, чем людей. Они не предадут тебя, если ты их поймешь».

Виктор отвернулся. Он тихонько рвал цыпленка и закидывал кусочки в рот, пережевывая их клыками. Он ел как зверь.

«Все не так, - пробормотал он себе, а не Е Цинсюаню.

На этот раз ремонт казался крайне медленным.

Единственный звук в тишине доносился из массива. Он превратился в новое сооружение.

Под практичными движениями молодежи большая машина начала легко двигаться. Сотни зеркал изменили свои позиции, настроившись на новые углы, как цветение лотоса. Сложные лучи света полетели в небо.

Наконец, процесс ремонта подошел к концу. Е Цинсюаню вышел из конструкции и кивнул после последней проверки.

«Виктор, дай мне отвертку, зеркало отстает на один сантиметр».

«И что? Какой смысл быть настолько точным в этом?» Виктор бросил ему отвертку. «Они все равно будут смотреть на тебя сверху и высмеивать за то, что ты так серьезен, и тогда они будут наслаждаться жизнью, используя твои результаты».

Е Цинсюань слышал, но не слушал. Он аккуратно отрегулировал угол структуры зеркала, схватив отвертку, как будто это был драгоценный камень. «Иногда наименьшая разница изменит весь результат».

Он сделал паузу и что-то сказал на восточном языке, что Виктор не понял. «Миллиметр ошибки - это разница в тысячу километров».

Словно откликаясь на слова подростка, подул ветер. Он задул в окна и прошел через маяк.

Куча бумаги в нижней части панели инструментов взлетела вверх, танцуя в воздухе, как будто у них были крылья. Одна часть покрывала лицо Виктора. Он быстро схватил её, и порвал. Но когда он увидел диаграмму, он застыл.

Е Цинсюань нарисовал диаграмму зеркальной решетки на белой бумаге. Изображение отличается от оригинальной. Новые пути были отмечены и сравнивались с оригиналом ... ничего подобного не было.

Первоначальная структура была разрушена, и предварительно спроектированные священниками пути были разрушены. Этой сложной системы больше не было после этого ремонта!

Виктор уставился на своего друга, как зверь.

«Ецзы, ты знаешь, что делаешь».

«Да» Голос Цинсюана был так же безразличен, как и раньше.

«Ничерта ты не знаешь!» Виктор вскочил. «Знаешь ли ты, как долго церковь использовала дизайн этой конструкции?! Знаешь ли ты, сколько стоит его поддерживать?»

Он дернул воротник Е Цинсюана. «Ецзы, это рифовая зона! Так много кораблей используют маяк для направления. Если что-то случится, тебя бросят в тюрьму! Быстрее измени его, прежде чем кто-нибудь заметит ...»

«Ничего не случится. Ничего не изменится», тихо сказал Е Цинсюань. «Я просто сделал небольшую корректировку».

Он махнул рукой, и уродливый пёс, старый Фил, взобрался вверх с открытым ртом.

«Ты сумасшедший, - пробормотал Виктор вдалеке. Его руки вяло висели рядом с ним.

«Виктор, когда ты начал думать, что я слабый человек?»

Беловолосый подросток взял бутылку и подошел к окну, выходящему на тихий городок.

Перед освежающим морским бризом он выпил все, что осталось. Затем он выбросил пустую бутылку. «Что хорошего в том, чтобы говорить больше слов? По крайней мере, пусть все видят твою расплату».

Е Цинсюань развернулся и потянул центр к себе.

Сразу же маяк двинулся вместе со сложной структурой, словно просыпался от сна, двигаясь по

установленной траектории. Механизм заклеен, лебедки свернуты, зеркала смещены, углы изменились.

Столкновение стальных деталей вызвало искры, и глубокий стон - звук механического столкновения был похож на тяжелое дыхание.

Неподвижная рама теперь безумно вращалась. В суровом свете это было похоже на дико горящий лотос.

Виктор задумчиво посмотрел на меняющиеся мигающие огни. Внезапная вспышка была похожа на взрыв - исчезла в мгновение ока. Конструкция в форме лотоса была запечатана.

Свет подпрыгнул в воздухе, как прирученный зверь, и распространился во все стороны - так же, как и всегда.

Но был только один луч света, который проецировался в темный город, упав на зеркало. Пришел старый Фил. Свет прошел через темный город, прыгая от зеркала к зеркалу.

В конце концов, горячий и суровый свет попал в самый большой дом в городе.

Это было похоже на свет, который спустился с небес.

В середине города задрожал колокол, как будто звеня в гневе. Под ним, рычащая собака укусила веревку, пытаясь встряхнуть колокол.

Резкий громкий шум разбудил тихий городок.

Люди проснулись от сна и встали со своих кроватей. В панике они побежали к окну, глядя на улицу.

В городе не было ни одного зверя, ни бандитов, которые могли ворваться в какой-нибудь дом. Казалось, ничего не случилось. Только доносилось эхо сигнала, и святой свет упал с неба на дом Томаса.

В городе пробудившиеся жители внезапно зашумели.

«Что случилось?» - крикнул кто-то громко.

«Что случилось? Кто звонил в колокол?»

«Мама, я боюсь!»

«Эй, посмотри на дом Томаса!»

«Дом Томаса ...»

Город, который был чрезвычайно шумным, стал невероятно тихим.

В глазах людей был луч света с неба, который образовывал линию письма. Письмо было настолько понятное, как благословение богов с небес.

Но это было всего лишь несколько простых слов красивым почерком. Он написал самое доброе

приветствие подростка.

- Сукин сын!

<http://tl.rulate.ru/book/11736/256062>